

ВЛАДИМИР ИВАНОВ

НА УГОЛЬЯХ

РАССКАЗЫ

— Что, Василич, не на лекции? — спросил председатель профкома, повстречавшийся на втором этаже административно-бытового комбината.

Экскаваторщик Иван Васильевич Морозов, тесть мой, поднялся после смены в расчётный отдел разреза уточнить размер начисленной зарплаты, но никого не застал.

— Какие лекции, когда весна? День год кормит!

— Ничего! У такого хозяина за час хозяйство не развалится! — шутиливо бросил комплимент председателю профкома. — Весь народ с интересом пошёл, и я сейчас подойду.

— То-то, гляжу, по конторе никто не шастает! О чём лекция-то?

— О социально-экономическом развитии нашего города.

— Ну, это тем, кто в центре живёт, — махнул рукой Морозов. — У меня частный сектор, считай, деревня, а не город.

— Иди, Василич, иди! Пока лекция не кончится, всё равно автобус не тронется. Я сейчас позвоню и тоже приду. Иди, весь народ в актовом зале.

Тесть тихонько вошёл в зал и сел на крайнее сиденье в последнем ряду.

— Наша область будет наращивать темпы угледобычи за счёт новых шахт и разрезов, — просвещал лектор, поблёскивая очками. — Для решения стоящих задач будут реконструированы старые и построены новые угольные предприятия. Немалая роль принадлежит вашему городу, в том числе и вашему предприятию.

ИВАНОВ Владимир Васильевич родился в 1948 году на Урале. Окончил Уральский госуниверситет, учился в Литературном институте. Служил в армии в Забайкалье. Автор десяти книг, изданных в Москве и Кемерове. Поэзия печаталась в 13 российских журналах, в Венгрии и в Болгарии. Проза публиковалась в 14 московских и региональных журналах. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Кемерове.

Общие слова! Уж лучше бы говорил, что конкретно для людей будет. Словно угадав мысли Морозова, лектор и в самом деле начал говорить о том, что ближе к людским интересам. Оказывается, в центральном микрорайоне, где пока лишь пятиэтажки, будут со временем девяти- и двенадцатиэтажные дома. Центральный микрорайон города прорезал лог, по нему раньше бежал ручей, а теперь протекают канализационные стоки. Лога этого не будет — его засыплют горной породой. Этого добра хватит — над тремя шахтами высятся терриконы. На месте лога построят стадион и кинотеатр. Построят в городе колбасный завод и, что уж совсем удивило, — появится чулочносочная фабрика. Правильно, что подумали о женщинах! Сейчас для них рабочих мест — раз-два и обчёлся. Куда им пойти работать? Особенно если в доме нет достатка. Ведь не в каждой семье мужик при хорошей зарплате. Василича лекция постепенно захватила, и до конца он слушал внимательно, как и вся аудитория.

После лекции зал поаплодировал. На сцену к лектору поднялся председатель профкома:

— Товарищи, вы уже выразили признательность лектору за его содержательный рассказ, давайте поблагодарим его ещё раз.

Он захлопал первым, зал его снова поддержал. Когда хлопки утихли, лектор что-то сказал председателю профкома.

— Может, к лектору вопросы будут? — спохватился профсоюзный лидер.

Вопросы были:

— Я так и не понял, сколько всё-таки у нас построят новых угольных предприятий?

— Две шахты и разрез.

— А где конкретно они будут?

— Шахты на Северо-Западе, в районе, где сейчас геологоразведочная партия.

— А новый разрез где?

— Извините, товарищи, на этот вопрос я не могу ответить, — честно признался лектор.

Наступило молчание.

— Может, кто из специалистов ответит на вопрос? — выручил председатель профкома.

Откликнулся главный технолог разреза:

— Угольные пласты в окрестностях нашего города характеризуются сложным строением, нарушением синклинали, чем вызван обрыв по простиранию...

— А нельзя попроще? — перебили его из зала.

— Проще? А проще будет так. Как ехать в областной центр, пласты угля, что залегают по правую сторону железной дороги, выходят к поверхности. Здесь предполагается добыча открытым способом. Это будет или вторая очередь нашего разреза, или отдельный разрез. Причем угольные пласты очень мощные.

Зал молчал, осмысливая сообщение.

— А людей куда же? — спросили из дальнего угла.

— Жилмассив придётся переносить.

— Так во что это обойдётся?

— Это же не город переносить! У нас на месте будущих разработок угля только частный сектор.

Ответив на вопросы, главный технолог сошёл со сцены. Затем на другие вопросы отвечал лектор. Когда выходили из административно-бытового комбината к автобусу, рядом с Морозовым вновь оказался председатель профкома.

— Ну что, Василич, интересная была лекция? — спросил он.

— Интересная.

— Ну вот! А ты не хотел слушать!

— О-очень интересная! Премного благодарен! Спасибо за лекцию.

Не желяя дальше разговаривать, он вошёл в задние двери автобуса.

На подворье к весне скопилось немало дел. Осенью при подтаске зарода сена на тракторах малы оказались даже широченные ворота в большой огород.

Прошлым летом Иван Морозов заготовил как никогда много сена. Раньше он косил вдоль обочины дороги, на небольших полянах. Два года назад подрылся обихаживать в лесхозе саженцы кедрача, а взамен лесхоз предоставил ему на своих угодьях покос. Добрый вышел зарод сена — из сорока копен! Его тащили домой с натугой два трактора. Но трактористы не сумели точно развернуться и в аккурат протащить сено в створ ворот — и снесли часть городьбы. Чтобы не лазила чужая скотина, Морозов сделал временную загородку, воткнув поваленные столбы прямо в сугроб. Но весной снег осел, столбы скособочились. Потом, конечно, придётся копать ямы и ставить их капитально, — когда земля оттает. А сейчас предстояло подпорками укрепить городьбу, этим делом Морозов и намеревался заняться сегодня после смены. Знакомые ребята с автобазы возят материалы в совхоз. Тесть договорился с ними, что обратным рейсом они подвезут ему навоз. Теперь этот навоз то там, то сям возвышается в огороде пирамидками. Нужно и навоз этот равномерно разбросать.

Хозяин оглядел своё подворье. Дед, приехавший в Сибирь по причине раскулачивания, в поисках лучшей доли кочевал с места на место, пока не осел здесь, куда, как оказалось, переселились родственники ещё раньше, в дореволюционные времена, в период столыпинских реформ. Деревня преобразовалась в посёлок, а посёлок в связи с добычей угля постепенно преобразуется в новый сибирский городок. Во дворе некогда стояла хибара, срубленная из брёвен в обхват, которую купил ещё дед на жильё. Хибара та была сработана на совесть, но как-то так, будто плотницкую работу исполнил медведь. Когда переселились в новый дом, она долго служила амбаром. А пятистенок выстроил дед на российский манер: со ставнями, с резными наличниками. Отец же после военных ранений особого здоровья не имел, и дом с дедовских времён не обновлялся. И все строения десятилетиями держались благодаря прочности, сработанной дедовской рукой, пока Иван не подрос и не взялся за хозяйство. Вслед за дедом снесли на погост и отца. От морозов, дождя и ветра побурели, растрескались и кое-где затрухлявились ставни и наличники. Морозов нанял столяров сделать точную копию этих резных украшений, выкрасил их в весёлый светло-зелёный цвет. Хозяйство Морозовых на отшибе шахтёрского посёлка. Дальше — места сколько хочешь! Вот и надумал он рядом поставить новый дом, чтоб внукам и правнукам хватило.

Такие виды на будущее держал в голове тесть да, видно, всё теперь пойдёт иначе. Не только хозяйство, но и это благодатное место, где родова обосновалась, сойдёт на нет. За огородом росли молодые осины вперемежку с акацией и черёмухой, околками зеленел пихтач. Раньше здесь начиналась черневая тайга. Потом, по мере застройки, обживания местности тайга отодвинулась дальше. Вместо неё остались вот эти островки разлапистого пихтача. А дальше, насколько хватал глаз, зеленела тайга. Вся жизнь с детства связана с ней! С дедом ещё в мальчишеские годы обошёл Ваня близкие кедрачи. Поначалу дед разрешал лазить только на кедры невысокие, с толстыми надёжными ветками, которые начинались почти от земли. Потом пошли кедры потруднее. Когда нижняя ветка была уж слишком высоко, дед вырубал шест с надёжной рогатиной, приставлял к стволу кедра, по этому шесту Ваня забирался наверх. Многому в лесу научил дед мальчишку. Вся таёжная его наука здорово сгодилась Ване в военные годы, когда отец был на фронте, а дед к тому времени ослаб и на промысел Ваня отправлялся с матерью. Тут он был беспрекословным хозяином. В каком направлении следовать дальше, где сделать привал — слово было за ним. Чтобы не попасть в просяк, решения принимал взвешенно, в лесу манерами старался походить на взрослого мужика. Иногда с ними просились вдовы. Тогда уж трудились артелью, и первым лицом был снова Ваня. Ещё бы! Ведь это он лазил на кедр и сбивал шишки! Женщины собирали их внизу в мешки и относили к заранее выбранному привалу под густой хвойной кроной старого дерева. Артелью можно шишкарить весь световой день и оставаться в лесу с ночёвкой. К вечеру набиралась гора шишек. Подкрепившись, начинали шелушить. В сумерки разводили костёр и продолжали работу при свете огня. Ваня лупил по шишке, она расплющивалась, потом резко проводил колотушкой по бревну,

которое предварительно стёсывали и ребрили на манер стиральной доски. Женщины на широкой холстине просеивали через железную сетку орехи от мусора, потом чашкой делили на равные части по числу людей. Зимой лежи себе, щёлкай орешки! А подслащённое кедровое молоко! Мать в чугунном казанке толкла орехи, пока не образуется вязкая каша, потом заливала тёплой водой, размешивала хорошенько и процеживала. Добавишь маленько сахару — и лучшего напитка не надо! Вот так тайга заменяла корову в хозяйстве. Тайга была кормилицей во все времена, но особенно она выручала в голодные годы, будто чувствовала — людям без неё не прожить. Откуда по весне первая свежая зелень? Из тайги! Уже перед Первомаем из-под снега пробиваются первые, чуть больше спички, росточки колбы — сибирской черемши. А потом с каждым днём идёт она стремительно в рост, теряя терпкость и острую горечь. Войди в эту пору в каждый дом — на столе пучок зелёных витаминов сдабривает приевшуюся за зиму картошку. Истосковавшиеся, изголодавшиеся по зелени глаза невозможно отвести от этого пучочка! И какая окрошка без колбы! Был Иван Васильевич в санатории, подавали окрошку с зелёным луком. Так она показала ему ненатуральной, лишь потом понемногу привык. А в июне уже поспевают другая улада — жимолость. Каждая хозяйка спешит тогда со своими ребятишками на заветное место, где дожидаются сизые, с вязким кисло-терпким вкусом ягоды. Отменное варенье из жимолости! Первое в новом году! Зачин есть, а там уже пошло-поехало! В поймах и по берегам водоёмов прозрачными гроздьями — даже семечки видны! — наливаются красная смородина — ягода-кислица. Вслед за ней в урёмах да на болотах и чёрная смородина начинает поспевать, потом черёмуха, рябина. И венец всему — кедровый орех! Хоть по кедром Иван Васильевич теперь уже не лазит, не те годы, но про ореховый сезон начинает думать загодя: сходит в таёжку к ближайшим кедром, поглядит на завязь: будет нынче урожай шишек или нет. В прошлом году мы ходили втроём: тесть, я и Лена. Я лазил на кедром, а они шишки внизу собирали.

Да... Молодые годы, когда занимался таёжным промыслом, отошли в прошлое, как уходит на нет и эта земля под наступлением угольного разреза. Тесть оббил сапоги о фундамент, почистил подошвы о скобу, взошёл на крыльцо под двускатной крышей и вошёл в дом. Дома были я с женой и престарелая мать тестя, Пелагея Ивановна. Тёща Анна Петровна по путёвке поехала подлечиться в санаторий, а то как отгаёт земля да начнутся огородные работы — до самого снега спину не разогнёшь.

Я сидел за столом, Лена хлопотала на кухне, а мать смотрела в окно.

— Как ты прошёл? — спросила мать, обернувшись к сыну. — Я тебя всё выглядываю, а не заметила.

— Я огородом прошёл, — сказал сын.

— Чё задержался-то?

— Лекция была.

— А-а, — протянула мать, скорее довольная возвращением сына, чем лекцией, которую он слушал.

— Интересная лекция? — спросила дочь, когда Иван Васильевич умылся и сел за стол.

— Интересная! В гробу б её видеть!

Я удивлённо поглядел на тестя — сроду не знал его вскидывающимся по таким пустякам.

— Видать, лекция в печёнки въелась, раз батя в гроб её загнал, — пошутил я.

— Это ты так со старшим говоришь? — повернулся ко мне тесть. От неожиданной такой реакции я смутился.

— Ну, папа! — укорила Лена.

— Ты знаешь, о чём лекция была-то? — примирительно обратился тесть к дочери.

Но Лена обиженно поджала губы.

— О чём? — как ни в чём ни бывало спросил я.

— О будущем города.

— Нашего, что ли?

— А то какого же?

— Дальше хуже будет?
— Хуже!
— Как это? Если о будущем, — значит, говорили о планах. А в планах у нас хуже быть не может. Планы — это же не жизнь! Это в жизни может хуже быть!

— Для других, может, лучше, а для меня хуже.

Лена угадала, что отца раздражают не я, и вступила в разговор:

— Чем, папа, хуже-то?

— Снесут нас с лица земли!

— Вот это да! — изумился я.

— По эту сторону дороги все снесут!

— И таёжку, выходит, подчистую сведут?

— И её!

— Это кто ж так распорядился?

— Запасы угля распорядились. Спасибо за лекцию — просветили!

— Жалко таёжку. Такая красота пропадёт! — заметил я.

— Красоту ему жалко! — усмехнулся тесть. — А людей тебе не жалко?

— Людям что — благоустроенные квартиры дадут! — вмешалась Лена.

— А вы и обрадовались!

— А что? Тогда нам и строиться не надо!

— Всё нажитое променять на какую-то казённую клетушку? — возразил тесть.

— Так за постройки деньги же выйдут! Двойная выгода!

— Вы-ы-года!

— Что в этом плохого-то?

— Врагу бы такой выгоды не пожелал!

— Вам под старость, наоборот, будет лучше в благоустроенном доме, — успокаивала его дочь.

— Ишь ты, какая заботливая! Ну, спасибо!

— Чего спасибо-то? И дрова не надо заготовливать, и уголь завозить, и вода под рукой.

— Легко так разбрасываться, когда сами на хозяйстве мозоли не нажили.

— А чё отказываться, если дадут?

— Мода пошла: не зарабатывая, получать готовенькое!

— Нам сколько ещё пластаться, пока дом поставим, — сказала Лена, не обращая внимания на колкости отца.

Я был за постройку дома. Мне, деревенскому, жизнь в своём доме в привычку. Но Лена, живя пока со мной в общежитии, непременно хотела благоустроенной квартиры.

— Правильно, — сказал вслед своим думам тесть. — В своём хозяйстве упираться надо, на диване у телевизора не шибко полежишь. Но, видно, будет по-вашему: всё равно нас снесут.

— Кого снесут? — спросила вошедшая бабушка, успевшая ухватить обрывок разговора.

— Улицу нашу снесут, — ответила Лена.

Отец поглядел на неё и покачал головой — не надо бы матери всё это знать.

— Улицу? — спросила она. — Почто так?

— Уголь будут добывать, — пояснил сын.

— Вот тут, что ли? — старуха постучала клюкой по полу.

— Да это, бабушка, когда ещё будет! — сказал я.

— К тому времени, бабушка, лет полста пройдёт, — исправила внучка свою оплошку.

— Слава Богу! Не увижу разора, — сказала старуха. — Буду уж в могиле.

— Нет, бабушка, тебе ещё жить да жить, — подбодрила её внучка.

— Не приведи, Господи, дожить до этого!

— Не до этого, а вообще поживите, правнуков поняните, — поддержал я.

— А могилки тоже снесут?

— Кладбище трогать не дадим, — успокоил её тесть.

— Улицу, значит, снесут, а кладбище оставят, — рассуждала вслух мать. — И горы кругом наворочают. Видала эти горы, как в церкву ездила. Завалят, и будешь лежать под землёй-то!

— Бабушка, ведь мёртвые в земле и лежат, — сказала Лена.

— Лежат-то лежат, да по-людски лежат, — возразила старая. — А тут так завалят — и следов не останется! Как вы к нам в Родительский день или на Троицу придёте? Могилок-то не будет! Так снесут или нет? — строго обратилась старуха к сыну.

— Ну, что ты, мать, ей-Богу: снесут — не снесут! — ответил он. — Когда это ещё будет, если и снесут.

— Выходит, снесут, — заключила бабушка. — Ты, значит, экскаватором своим кладбище порушишь, прах отца своего из могилы вытолкнешь и вон его! А меня похоронишь — потом тоже откапашь? Погрузишь кости в машину — и в овраг! Вот как теперь родителей почитают. Ну, спасибо, сынок!

— Бабушка, тебе нельзя волноваться, — сказала Лена.

— Тогда уж и деда своего Евдокима, и бабу Глафиру в овраг один с нами, чтоб вместе! Гляди, не раскидай родову в разны стороны! Вместе на погосте, вместе и в овраге чтоб!

— Не тревожься, мать, — снова успокоил её тесть. — Что мы, такие уж супостаты?

— И роют, супостаты, и роют! Уж сколько земли раскурочили! Грех-то какой! Угроздило поселиться на чёртовых угольях! Вот теперь на угольях этих черти и жарят. Не к добру это, ох, не к добру — подымать мёртвых и губить живое. Восплачете, да поздно будет!

Не притронувшись к еде, она удалилась в свою комнату. Ужинали молча. Потом тесть вышел на крыльцо и долго курил. Видно, слова матери ещё пуще растревожили его душу. Я его понимаю. Вот тебе ещё забота! Одно дело — вести вскрышные работы экскаватором на разрезе в стороне от жилья, другое — когда на своей родимой сторонюшке, где на земле и в земле — всё своё, кровное, родное. И как теперь руками рвать кровные узы, вырывать родимые корни! Тесть сошёл с крыльца и пошёл к сруб. Что с ним теперь делать? Думали, отгрохаем дом, возведём пристройки, а вот как всё оборачивается! Но ведь не завтра здесь начнут уголь брать, — может, жизнь человеческая пройдёт! Но такое самоутешение разве поможет? Что толку строить дом, если нет надёжного фундамента? Из жизни уходит главное — уверенность в будущем.

Как раз назавтра, в выходные, тесть, я да давний знакомый тестя Гриша Шилкин договорились продолжать рубить сруб. Тесть пару раз стукнул сапогом о землю и прислушался. Внизу пролегал угольный пласт, который выбил почву из-под ног, лишил душевного покоя...

Ночью тесть видел сон. Будто он мальчишка, они с дедом вдвоём пошли шишковать. Возле высокого гладкоствольного кедра дед вдруг снял котомку. Раньше он никогда не понуждал Ваню лазить на такие могучие нелазовые кедры.

— Залазь! — приказал старик внуку.

— Дед, я боюсь, — ушрался Ваня.

— А-а-а, боишься! — злорадно крикнул дед. — Копать глубоко не боишься, а лазить высоко боишься?

Под жёстким взглядом деда тесть полез на кедр. Руки соскальзывали, трещали сухие ветки под ногами, порой казалось — вот-вот оборвётся. Но всё-таки добрался до кроны, где на сизых шишках белыми точками проступала смола. Тут он пригляделся и увидел, что шишки пустые, склёваны птицами.

— Дед, орешки-то склёваны! — крикнул вниз. — Только зря меня сгонял!

— Выше погляди, выше! — донеслось снизу.

Вскинул голову — там, на самой макушке, тройчатками висели крупные шишки. Хотел было полезть вверх, но поднялся ветер, стал раскачивать макушку. Оглянулся вниз и ахнул: это не ветер раскачивает, а экскаватор старается вывернуть кедр и повалить наземь. Что же дед-то такое позволяет, подумал, дед же знает, что я на вершине!

— Дед, а дед! — стал окликать.

Но деда и след простыл. “Что же это я кричу? Ведь он в могиле лежит!” — подумал тесть, просыпаясь и выходя из тревожного сна. Давно уже не видел он себя во сне маленьким, таким беспомощным. Он долго лежал с открытыми глазами.

Наутро, как и договаривались, пришёл Гриша Шилкин. Принялись плотничать. Тесть любил хозяйскую работу ещё и потому, что в делах забывались душевная сумятица, житейские неурядицы. Вот и сейчас, пока ошкуривали брёвна и подгоняли их друг к другу, отошла вчерашняя хмарь. Весело перетюкивались топоры, работа шла споро.

— Слышь, Гриша, нас-то переселять будут, — сообщил хозяин, когда присели на перекур.

— А что так?

— Уголь будут здесь брать.

— Может, не тронут.

— По нашу сторону дороги всё снесут.

— Угля кругом вон сколько! Что под посёлком-то рыть?

— Коли уж начнут, нас не спросят.

— Откуда известно?

— Лекция вчера была на разрезе.

— Чему быть, тому быть! Благоустроенную квартиру дадут.

Морозов недовольно промолчал. К вечеру прекратили работу и вошли в дом.

— А где мать? — спросил тесть у Лены.

— Бабушка? Говорила, схожу к бабке Агафье.

— Ты нам сготовила что-нибудь?

— Картошку с мясом стушила. На плите.

— Вот ты, Гриша, говоришь: чему быть, того не миновать. Это что же — так за здорово живёшь нас и сгонят со своей земли? — спросил Морозов, когда за столом пропустили по первой.

— Да брось ты, Иван, — махнул рукой Шилкин, закусывая. — Когда это мужика о земле спрашивали! Нагонят техники и начнут копать — не отступятся. Сам же видишь, уголь тут под ногой, копнёшь — и вот он! Самый дешёвый, на него много тратиться не надо.

Залежи каменного угля и в самом деле кое-где выходили прямо на поверхность. Дед ещё до строительства шахт привозил из тайги на лошадях уголь. Да и не только он один! В кои времена наткнулись мужики в пойме речки Каменушки на блестящие сколы угольного пласта, вынесенные со склона горы весенним паводком; с тех пор, кто имел охоту, ездил в лес к прорубленной штольне. Потом эти штольни забросили, а после пуска шахт стали выписывать уголь в конторе. Да и во время войны уже мало кто ездил: в домах, считай, одни старики, бабы да пацанва. Зачем им, маломощным, было кожилиться, когда лес рядом?

— Оно, конечно, тут угля непереворот, — сказал тесть. — Но почему из-за него людей переселять и срезать с земли всё живое?

— Вот ты как заговорил! А что же сами-то экскаваторами да бульдозерами у себя на разрезе землю живую похабите? Мы-то у себя в шахте этого не делаем!

— Наш разрез — на бесплодьё, ничьего хозяйства не трогаем.

— Вот видишь, — сразу нашёл себе оправдание! Вот так же и государство. У него, может, тоже свои резоны. Что, с его точки зрения, наша земля? Так, ключочек мизерный, пятачок. А там, между прочим, миллионы, даже миллиарды тонн угля. Вот и выходит: уголь перетягивает потерю земли. Вот как оно, с государственной-то колокольни!

— А ещё бы с государственной колокольни-то — каждому бы во дворе свою живность держать! — поддел Шилкина Морозов.

Шахтёр Шилкин жил в двухэтажном деревянном бараке, где хоть и были предусмотрены стайки для домашней живности, но он, как и многие, живность не держал.

— Я своё на производстве отдаю, пусть они свой долг передо мной выполняют, — возразил Гриша.

— Кто это “они”?

— Кто кормить меня должен.

— А кто должен?

— Кому уголёк добываю.

— А ты, значит, пришёл со смены и лежи?

— Что мне делать?

— Вести своё хозяйство.

— Я в казённом бараке живу.

— В бараке-то каждому своя стайка есть.

— А я вот не желаю.

— Мыслить государственно мы можем, а крутиться по хозяйству — нет.

Ты мог бы себе и дом давно поставить

— Зачем? Мне теперь квартиру вырешат, — сказал Шилкин.

— Какая квартира! Ты же видишь — пояс всё туже затягиваем.

— Брось-ка, Иван, свою душу беречь, — примирительно добавил Шилкин. — Я тебя понимаю. Кому охота наживать, наживать и остаться в дураках.

— Так, так! Держим хозяйство — потому дураки, а вы, значит, умные?

— Да не заводись ты! Прикинь — кто внакладе, а кто в выигрыше. Снесут — каждому квартиру дадут. И барачным, и частникам.

— Ха! Наивный человек! Думает, он будет в выигрыше!

— Кто хозяйство теряет, ты или я? — спросил Шилкин.

— Кто на боку лежал — будет смеяться, а кто вкалывал — плакать?

— Ну, вам компенсацию дадут, за дом, за постройки.

— На хрена мне компенсация? Мне силы и годы кто скомпенсирует?

Ком-пен-са-торы!

— Да продай ты сруб! Вот завершим — и продай! Раз снесут — зачем горбатиться?

Тестю весь строй рассуждений Шилкина — поперёк души.

— Вот, вот! — сказал он. — Можно не делать — зачем же делать? И опять в выигрыше!

Тут тесть, видно, опомнился. Разговор безнадежно пошёл мимо чего-то главного. Сказать о главном мешало какое-то необъяснимое раздражение, какое бывает, когда несколько суток подряд не высыпаешься.

— Зачем раньше времени голову забивать? — сказал он примирительно. — Как-нибудь всё уладится.

Шилкин вначале хотел было обидеться всерьёз, но был отходчив и откликнулся на дружеский тон друга:

— Ведь в самом деле! Не пропадём же, в конце концов!

— Верно, — примирился хозяин, разливая остатки по стаканам. — На наш век хватит, не пропадём.

— Точно! Не пропадём! — согласился Шилкин, поддевая вилкой шляпку чёрного груздя.

Покончив с ужином, вышли на крыльцо. Закурили. Поговорили о том о сём, но как-то скудно, вяло. Попрощавшись, Гриша ушёл. Мы остались вдвоём, по лицу тестя было видно, что вновь наплыли невесёлые думы. То ли ставить дом, то ли нет? Сруб-то, конечно, надо завершить в любом случае. Может, и построиться надо. В самом деле, когда ещё снесут? Да и снесут ли?.. Теперь голову под крыло, как гусак, не упрячешь. Прежнего покоя теперь уж не видать — на угольях живём...

ДВЕ СУДЬБЫ — ОДНА ВОЙНА

1

Я ушёл добровольцем на фронт после школы в июле сорок второго. Через год мы победно наступали на Запад. Но на подступах к Брянску дальше стремительно на плечах врага продвигаться не удалось — противник оказался в заране подготовленной, хорошо укрепленной оборонительной системе, да и наших бойцов из-за непрерывных боёв поубавилось. Наступление при-

остановилось, мы закрепились на промежуточном рубеже. Разведка боем, захват “языка”, постоянное наблюдение за противником — для разведчиков в таких случаях обычное дело.

Местность заболоченная. В таких местах деревенские кладбища — на возвышении. Здесь и сделали наблюдательный пункт. Выбрали точку, где к потемневшему кресту склонилась рябина. Выкопали и оборудовали блиндаж для наблюдения. Под прикрытием рябины замаскировали трофейную стереотрубу, прикрепив её к кресту. Днём вокруг нашей секретной точки — мёртвая тишина. Смена только ночью.

Уже больше недели мы не наступаем. Соваться к немцам без тщательной подготовки — себе дорожке. Кругом болота, подёрнутые ряской. Если атака захлебнётся, в землю не окопаться — всюду вода. У врага — укреплённая бетоном позиция. Недаром так тщательно готовится наше наступление. Судя по оживлению, ждать осталось недолго. Всё больше прибывает техники, всё больше пополнения.

Мы продолжаем отслеживать и выцеливать противника. Задача разведчика-наблюдателя — изучать распорядок дня неприятеля, места установки орудий, передвижение живой силы, определять координаты дзотов, блиндажей, систему траншей, места и время наиболее частого скопления солдат и офицеров... Сведения нужны не только нам, пехоте, но и миномётчикам, расчётам артиллерийских орудий, да и другим подразделениям. Я проинструктирован об этом перед своим первым заступлением на пост.

Пост принял перед рассветом. Спускаюсь в блиндаж. Через стереотрубу в ночной мгле ничего не видно. Но всё же то и дело всматриваюсь в темноту: не ведут ли немцы скрытно какие работы, нет ли передислокации. Но пока всё тихо, никаких огней.

Светает. Густой болотный туман сползает в низину. Обозначился вражеский передний край. По-прежнему никакого движения. На склоне видны изгибы ходов сообщения, угадываются замаскированные пулемётные точки. За траншеями, на первый взгляд, ничего нет, лишь трава и кустарники на возвышенности. Но кое-где дёрн сполз и обнажил серый бетон. Горизонтальный обзор позволяет засечь щели амбразур. В течение дня в поведении неприятеля не заметил ничего особенного, никаких активных действий. Лишь звучали редкие выстрелы с их и с нашей стороны. Первое моё дежурство прошло без происшествий.

Через двое суток в сумерках снова заступил на пост. Между нашей высотой и вражеской обороной — лощина, переходящая в заболоченный овраг. Я это знаю. Пять дней назад через него ходили брать “языка”. С такого наблюдательного пункта, в каком я сейчас, просматривается лишь передний край обороны противника. А что там, в глубине, какова численность главных сил, какой резерв, где штаб, командный пункт, склады, сколько какой военной техники, — это может расказать лишь захваченный живой противник. “Языка” мы достали, привели. Оказался он с ценными сведениями. Меня представили к медали “За отвагу”. Всё собираюсь сообщить об этом отцу, да всё не удаётся. Постараюсь написать, как в роту вернусь. Да и от него что-то давно нет вестей. Видать, замотался с колхозными делами. Интересно, пользуется он собранным мной радиоприёмником? На фронт отец не попал — ногу на производстве потерял. Вот и выходит — я воюю здесь за двоих. Уже больше года воюю, обстрелянный боец. Слышу везунчиком. Лишь однажды ранило — и то легко. Пуля коснулась правого бока. Так что и в госпиталь не пришлось направлять. Привели в строевую годность в медсанбате.

Через заболоченный овраг проложена дорога, можно сказать, сооружён мост из брёвен в несколько накатов. Справа и слева — зыбкая топь. Ни бойцам, ни подводам, ни технике для флангового обхода путей нет. На совесть, с немецкой аккуратностью исполнена та дорога. Каково это — гатить болото по всем правилам военной науки — испытывал на себе: отводили грунтовые воды, зыби укрепляли брёвнами, на местах уплотнения грунтов били сваи — усиливали грузоподъёмность дороги. В сапогах чавкает, сам весь мокрый, в грязи, в нос шибает запах болота. Силы на пределе, а брёвна сырые, тяжёлые. Смола хвойных стволов липнет к рукам, гимнастёрке. А сейчас

если бы не эта подготовленная немцами дорога, то пришлось бы и тут выполнять такую тяжкую работу в ходе наступления.

Вглядываюсь в окуляры — та же картина, никаких перемещений. Ближе к рассвету замелькали огни. Усилил бдительность. Вскоре при рассеивающемся тумане стало заметно передвижение немцев по ходам сообщений. Неужели готовятся к атаке? С нашей стороны внезапно заговорила артиллерия. Одно из двух: или немцы решили начать атаку, а наши упредили, или же наоборот — мы наступаем, а немцы разведали об этом и готовятся к отражению атаки. Скорее второе. Мы наступаем. Наша артиллерия бьёт в основном в глубину обороны противника. Несколько снарядов ложатся ближе — за окопы в район вражеского дота. Включились в артподготовку наши миномёты, и мины стали разрываться подле немецких блиндажей и окопов. В стереотрубу видно, как засуетились серо-зелёные вражеские фигуры, а также где недолёт, перелёт и насколько в сторону от цели ложатся мины и снаряды. Сообщаю об этом по связи в закодированном виде в штаб батальона.

— Докладывай открытым текстом! Теперь можно — переходим в наступление! — слышу голос командира.

В открытую продолжаю корректировать огонь. Вижу, как блиндаж взлетает на воздух, как самоходка накрывается вместе с расчётом. Стали отвечать орудия с вражеской стороны, снаряды рвутся позади в районе нашего сосредоточения. Ложатся взрывы и возле меня. Сюда-то зачем? Голое пустое кладбище. Засекли мой наблюдательный пункт, не иначе. Одна из таких точек была уничтожена на прошлой неделе. Теперь, выходит, и мою засекли. Очередным взрывом сломало крест и со стереотрубой отбросило в сторону. Я выбрался установить трубу на место. Другой взрыв вздыбил землю. То ли от тяжести обрушившейся на меня земли, то ли оглушённый взрывом, я не почувствовал боли. Попробовал пошевелить руками. Вроде целы. Где же автомат? Пошарил руками вокруг — не обнаружил. Что-то сдавливает горло. Это ремень автомата. Вспомнил: когда выбирался из блиндажа, автомат был перекинут через плечо и лишь потому его не отбросило в сторону. Пытаюсь ослабить натяжение ремня и вытащить оружие. Но не могу. При каждом усилии острая боль в правом плече. И в живот будто разогретую сковороду сунули. Чувствую: двигаться нельзя. Подкоплю сил — выдерну автомат. Без него никак. Без него я — беспомощный и будто голый. Беззащитный. А вдруг наша атака захлебнётся, и немцы попрут вперёд? Как тогда без автомата? Отдышался и с усилием дёрнул. Ремень ослабился, дышать легче.левой рукой определяю местоположение автомата. Он у меня за спиной. Не только земля, но и сам я придавил его своим телом, потому и не выдёргивается. Приподымаюсь, что есть силы дёргаю за ремень. Холодный ствол упирается в затылок. Замираю. Когда выбирался, автомат был на предохранителе. Но при взрыве он мог переключиться в боевое положение. Осторожно отвожу ствол от затылка, резко дёргаю вперёд, одновременно нагибаясь и помогая телом, — и мрак. Очнулся — в животе сковорода будто разогревается ещё больше. Автомат выдернулся, положил его перед собой — теперь хоть какое-то чувство защищённости. Снаряды с гулом уходят в сторону вражеских укреплений. Вот в атаку пошли первые цепи. Зачем же так рано кричать “Ура!” До боестолкновения ещё ведь далеко. И зачем кричать так тихо? Нет, это не “ура”. Это “гу-га”. Значит, первой идёт штрафная рота. Они при атаке так кричат. Заградотряд следует за ними. Назад нет пути. А раз так, то и мы не будем от вас отличаться — будем кричать не “ура”, а “гу-га”. Этот крик нагоняет страх на немцев. Мы — штрафники, нам терять нечего! Только вперёд! Пусть погибну, но и вас прихвачу на тот свет. А живым буду — волю добуду. Таким мне представляется это “гу-га”. Этот крик действует на немцев гипнотически, парализует волю. Они знают: штрафники не повернут назад и пощады от них не будет.

“Гу-га!” слышится уже далеко впереди. Чем дальше уходит от меня первая цепь, тем согласованнее и громче крики атакующих. Мало кто из штрафников останется в живых. Недаром проштрафившихся наказывают сроками нахождения в штрафроте лишь на один-три месяца. Но кто уцелеет — искупил вину, а с первой кровью, с ранением — чист независимо от срока, восстановлен в правах.

Вот и наш батальон пошёл. Основной поток атакующих следует по дороге, а я лежу у придорожной могилы. Машу им, кричу и стреляю в воздух. Но меня не слышат и не замечают. Я знаю: они нацелены только вперёд. Сам ходил в атаку и понимаю их состояние.

Я один. Лежу недвижно в стороне от боя. Спихватятся ли меня? Не знаю. Батальонные санитары, вернее, санитарки, здесь вряд ли будут искать раненых. Их место впереди, на поле боя. Надежда на штрафников. После выполнения задачи они не последуют дальше с действующими частями, а вернутся назад, к назначенному месту сбора. Но уцелеет ли хоть кто из штрафников? А если и уцелеют, вернутся ли назад именно этой дорогой? Хотя тут вроде никаких других дорог и нет. Как пойдут, заметят ли меня? Не факт, что заметят. Смогу ли им дать о себе знать? Не истеку ли кровью? Не покинут ли силы?..

Хорошо, хоть дожди прекратились. Тело какое-то затекшее, онемелое, будто не моё. Пошевелиться, чтобы не затекло? Но мне не следует двигаться. Всё остальное не от меня зависит. А от кого?.. От Бога?! Ну, почему я, такой молодой, должен умирать?!.. Господи, сделай так, чтоб я остался жив! Я ведь и не жил-то ещё. Я ещё по-настоящему никого и не любил, у меня ни жены, ни детей, у меня всё впереди, я у родителей один. Мне нельзя умирать! Господи, сделай так, чтоб я остался жив! Не допусти моей гибели!..

Не знаю, что на меня нашло. До мозга костей комсомолец, кандидат в члены партии... Раньше ведь и не помышлял о Боге... Вспомнил себя маленьким мальчиком в гостях у бабушки. Вспомнились её иконы в переднем углу, её молитвы...

Забывтьё придало сил. Когда очнулся, впереди гремел бой, слышались, как размытое эхо, голоса. Губы пересохли. Солнце в зените. Больше всего тревожит, что впадаю в безразличие. Гаснет воля. В животе — будто жидкая каша. Она стекает в правый бок и дальше по ноге. В сапоге хлопает. Об этом стараюсь не думать. Лишь бы сознание не отключилось. Вперёд изредка проезжают машины. Вот проехала медико-санитарная с красным крестом. Поздно её заметил. Да если бы и вовремя, что я могу сделать, чтоб и меня заметили? Ничего. Закрываю глаза, считаю до десяти, открываю. Снова и снова. Не знаю, сколько времени так продолжается...

Идут. Их шестеро.

— Братцы! — кричу. — Братцы!

Не обращают внимания. Скоро пройдут мимо.

— Братцы, я здесь!

Не слышат. Вспоминаю про автомат. С напряжением ставлю прикладом на землю, нажимаю на спуск. Обернулись. Взяли оружие наизготовку. Снова кричу, машу свободной левой рукой и стреляю в воздух. Заметили, переглядываются. Стали приближаться. Неужели плачу? Влага стекает по щекам. Подошли. Сказал им, что ранен. Разгребли землю. Один приподнял гимнастёрку и, глядя на живот, удивлённо присвистнул:

— Да он и не жилец!

Молча переглянулись. Мне страшно. Закрыв глаза.

— Нужны нам проблемы? — спросил другой. — Сами еле уцелели, а с ним неизвестно, чем дело обернётся. Лишняя морока.

— И правда, — поддержал третий.

— Так он же нам зачтётся! Мало ли какая выйдет закавыка, — возразил другой.

Я открыл глаза поглядеть на своего заступника. Не определил. Вижу только, что все они смотрят на того, кто в центре. Видно, старший. Всё от него зависит. Он сказал, что надо транспортировать. Но как? Говорю им, что в блиндаже есть плащ-палатка. Сделали подобие носилок, понесли. “Да он не жилец” не выходит из головы. Вспомнил про разговор двух бывалых бойцов в походном госпитале при своём первом ранении. Говорил один другому про какую-то секретную инструкцию — будто запрещено хирургам оперировать раненых в живот, если со времени ранения прошло более шести часов. Как перешла наша армия в наступление, стало больше раненых, а хирургов и медикаментов не хватает. К тому же у тех, кому запоздало штопали внутренно-

сти, процент выздоровления крайне низкий. “Как же медики вывели именно этот срок — шесть часов?” — удивлялся я тогда. Поудивлялся и забыл, почитав, что такого со мной-то уж точно не случится. Забыл, потому что кто же заранее собирается получить пулю или осколок в живот? А сейчас вот вспомнилось. После моего ранения уж точно прошло более шести часов.

Остановились спасители мои поменяться. Опустили меня в плащ-палатке на землю.

— Братцы! — говорю. — Не сообщайте, где меня подобрали, скажите, что вынесли с поля боя. Очень прошу.

— Опять двадцать пять! — недоволен тот, кто говорил о лишней морске со мной. — Скажи “спасибо”, что вообще несём.

— Спасибо, — шепчу я.

— Ладно, не скажем, — успокаивает старший. — А какая разница?

— Так надо, — шепчу. — Прощу.

— Хорошо. Принято.

Может, просьба моя была излишней. Нас нагнала медико-санитарная машина. Штрафники подняли меня к остальным раненым. С ними и попал в полевой госпиталь.

— Когда ранило? — привычно спросил хирург.

Сказал, что в полдень, на поле боя. Он осмотрел живот.

— Когда ранило? — снова наклонился надо мной хирург, пристально вглядываясь в глаза и допытываясь правды.

Я повторил и добавил, что взрывом засыпало землёй. Не могу определить: или он сомневается, или совсем не верит. Если не верит, не станут оперировать, а сразу направят в палату для умирающих. Вот, несут. В операционную! Но после операции всё равно положили к безнадежным. Люди в белом приходили, уходили, наклонялись надо мной — всё это сквозь забытие помнится смутно. Но я и в самом деле оказался везучим. Выжил! Ранение в плечо, в голень по сравнению с животом можно считать пустячными царапинами — кости не задеты. А вот кишки промывали и штопали, как потом сказали, основательно и долго. Спасибо хирургам! Сделали своё дело на совесть, хоть и не верили в меня, раз отнесли потом к безнадежным. Когда убедились в моём спасении, перевели в палату для выздоравливающих. Тут на меня смотрели, как на вернувшегося с того света. Удивлялись, говорили, что при моём случае не выживают. Я и сам удивлялся. Кто-то слышал мою предсмертную просьбу!? Немного поправился — списали подчистую, пожелав успешно полного выздоровления. Земляк-отпускник был провожатым моим до самого Кемерова. Был рад, что сопровождает. Отпуск он давно заслужил, только кто ж его даст в такое время! Если бы не твоё ранение, говорил он, отпуска мне не видать. Приехали, доставил меня в госпиталь, а сам уехал к себе на краткосрочную побывку в Тисуль.

Удивили два события. Пока я воевал, нас отделили от новосибирцев и создали свою, Кемеровскую область. А госпиталь, где долечивался, оказался размещённым в моей родной школе.

Отец на фронт мне уже писал, что трудится председателем колхоза. После выписки из госпиталя он повёз меня на своё новое местожительство — набираться сил и здоровья на свежем воздухе и парном деревенском молоке.

В деревне мы и встретили Победу.

2

Я на фронте не был. Ногу в шахте потерял, протез вместо неё. Мужики, здоровье кто, вроде сына моего, — на войне, а тут старики, бабы да ребяташки, ну, и кто вроде меня — непригодный к фронту.

Раз вызывают в райком: “Ты коммунист? В прошлом деревенский? Вот тебе участок фронта — будешь председателем колхоза!” Приехали в город за мной на серой кобыле Ласточке — хорошая такая, худая только, забитая. Антон Кончилов приехал. Собрание. Выбрали председателем. Кончилов меня определил временно к себе. Так я опять начал деревенскую жизнь. Там, в Марчихе, раньше был один колхоз — имени Коминтерна. Теперь хозяйство поделили на два колхоза. Мой колхоз назвали “Зелёный луг”.

Ну, и что мне досталось? Двадцать восемь колхозных семей. Восемь человек из них бездомных. У Антона Кончилова домишко вот-вот развалится. Коней с жеребятами — тридцать четыре, из них рабочих лошадей — двадцать две. Сбрую сами ладили, мешковинами хомутыны обшивали. Коров — одиннадцать, двенадцатый — бык. Четыре свиньи, пятый — боров. Двадцать курей, двадцать первый — петух. Десять овец, одиннадцатый — баран. Пятьсот сорок гектаров зерновых, двадцать — картофеля, три — капусты, гектар — моркови, гектар — огурцов, луку — соток тридцать. Из построек что было? Сушилка начатая, построен корпус. Телятника нет, только стали строить. Конюшня, свинарник были. И коровник — крыша без потолка.

Управились с посевной — занялся строительством. Послал за лесом в тайгу вверх по Томи — нарубили, приплавил. Нанял людей — давай срубы рубить. В первый год телятник поставили, свинарник подремонтировали и удлиннили на два заплота. Под курятник часть старого свинарника приспособили, сушилку начатую доделали. Себе домик поставил. Измотался совсем!

Колхозники три года деньгами не получали зарплату. Люди задолжали, обнищали, изголодались — спасу нет! Колхозников обдирали как липку. Если у тебя живность есть — за неё налог плати, ещё и мясом потом сдавай. Корова-то живая, от неё ведь не отрежешь кусок. У кого вырос бычок, люди складывались — сдавали мясо за двоих, за троих. Так натуральный налог платили. Купишь и сдашь, коли деньги есть. А если нет? Им же три года не платили! Не уплатил — приезжают милиционер, финагент и забирают корову. В первый год председательства у троих вот так забрать коров хотели. Ну, что делать? Колхозными заплатил. Тайком, конечно. Как узнают, по головке не поглядят. Но как я, председатель, не выручу колхозника! А до меня не одну корову со двора свели.

Жали колхозника со всех сторон — уполномоченные по займу, финагенты... Один финагент — по совхозу, другой — по колхозам. Их бывало до пяти человек — смотря какая территория сельсовета. Тогда что делали? Обкладывали сельхозналогом картошку, табак, лук, капусту и прочее. Как только возшло, они приезжают, обмеряют — сколько у кого, потом накладывают налог. Вырастет, не вырастет — это их не касается. Так вот, я людям давал садить картошку на колхозном поле, чтоб голодные себя обеспечивали. Но делянки маскировали. Глянешь со стороны — сплошной колхозный массив, никаких делянок. А если узнают? Страшно подумать!

Тогда как было? В мае месяце после посевной давали наряд-задание по военному займу. А в конце июля выкладывай деньги. Когда займы получаешь — расписываешься, уплачиваешь, если денег нету — должен остаёшься. На колхоз план по займам был отдельно, а на колхозников — другой список. Ну, за колхоз я платил аккуратно — тут попробуй не уплати. А как начнёшь задание по займу среди колхозников распределять — хоть караул кричи. Распределяли председатель колхоза, уполномоченный, члены правления — какой колхозник сколько может вытерпеть. Это очень, очень было сложно. Вот даём, скажем, займу на тысячу двести или полторы тысячи рублей. А где он возьмёт? Чем ему платить? Имеет он корову, свинью, куриц. Ну, поросёнка, может быть. Вот и всё! У нас колхоз-то бедный был. Восемь человек бездомных. Не то что коров — избы своей не имели! А заём плати! Мне как председателю колхоза — десять тысяч, а то и больше платить. Потом прикинул — за всю войну в фонд обороны за займы я пятьдесят две тысячи уплатил. С колхозников было меньше.

Как стал председателем, стал знакомиться с хозяйством. В амбаре у них просо! Они просто не знали, что с ним делать. Но я в деревне рос, после гибели отца от колчаковцев двенадцати годов остался старшим в семье, пахал и сеял. У нас тогда крупорушка была. А тут нет у них. Деревня Сормолотная — в километрах четырёх от нас — имела крупорушку, лошадьми там жернова крутят. Съездил, договорился. Мы обрушили это просо. Создали комиссию в правлении колхоза — продавать пшено на базаре, документ выписали. Всё как положено. После посевной поехали, продали. А просо ценилось, каша да картошка людей и выручали. Кто продавал — привезли деньги, мы в правлении опять создали комиссию — деньги считать. Посчитали и оприходовали. И в сельсовет — извещать район: завтра приезжайте

к нам с финагентами, чтоб, значит, с вами моим людям рассчитаться за заём, за налоги.

Первый год вышли из положения, на второй полегче стало. Съездил в инкубатор, купил цыплят — пятьсот только колхозу, вдобавок колхозникам. Крупу опять на базар — деньгами обзавёлся. Потом яйцами стали торговать на базаре. Уже есть чем дыры латать.

Шеф “Сантехмонтаж” людей нам из Кемерова вырешил. Двадцать мужиков — краше в гроб кладут! — приехали. Конечно, хороших работников кто даст. Самим нужны. Бессемейных, неустроенных, бракованных не только на войну, но и на производство — покойники уже! — шефы нам в подмогу. Они помирать собрались, а я их откормил. Помаленьку-потихоньку вдовы да одинокие колхозницы их по домам поразобрали. Без мужиков-то плохо! Там, глядишь, забор повалился, дров опять же надо нарубить. Ну, нужен мужчина. Разобрали их, значит. В этом деле шибко нам и сосед помог — колхоз Коминтерна. Мы же в одной деревне с ним. А потом военкомат всех на комиссию, мужиков этих отозвали обратно в город. Откормили мы их, значит, можно забирать. Только кузнец Сидоров остался, МТС на него бронь наложил.

И опять мы при своей малой живой силе. Подошла уборка. У меня кто? Два тракториста, один комбайнёр, один штурвальный, учётчик, водовоз и повариха. Вот и весь штат на уборке. А транспорт — лошадиная сила. Колымаги, парой лошадей запряжённые. Две-три такие брички обслуживают комбайн. Помню, овёс жали. Четыре пары лошадей не успевали отвезти на колхозный ток! Вот такой овёс был. Сорту “Победа”. Самый хороший овёс, тридцать центнеров с гектара. Но мы половину этого овса потеряли. Приехали на эту полосу, когда солнце уже закатывалось. И вот начали. Две брички нагрузили — комбайн стоит, бункер полон. Не успевают подводы оборачиваться с тока. Я послал ещё две брички. А возить было километра три — расстояние порядочное. Два раза объехали — четыре пары лошадей не успевают! Вот так овёс! Ну, мне тракторист и говорит: “Давай оставим. Завтра придём, каких-то три-четыре часа — и поле сжато”. Я и послушался. Погода днём стояла хорошая, а ночью — дождь, ветер. Утром приезжаем на поле — метёлки пустые стоят и вся земля овсом усыпана, страшно смотреть! Вчера четыре брички на круг не хватало, а тут круг дали — всего полбрички. Всё на земле. Как жалко было! Только овёс нас и выручал. Без него гибель. В соседних колхозах по сто да сто двадцать лошадей, у меня рабочих — всего двадцать две, а задание нам дают одинаково. Колхозные работы — само собой. Но ведь ещё отвлекают чистить аэропорт городской и на другие работы. Дорожное строительство с Кемерова на Новокузнецк который год мучило. Мы должны были гравий возить с Томи, укладывать, утрамбовывать. Ну, а сколько там лошадёнка может вывезти? С полкуба, не больше. Целое лето держи на этом строительстве четырёх человек и две лошади. А ведь это нам бесплатная работа. Однажды приезжаю с совещания из Кемерова, а у меня — ни одной лошади! Всех забрали на дорогу. Мастер доротдела как-то пристал ко мне: дай лошадь да дай, ездить не на чем. Я дал молоденького жеребчика. Так он два года с него не слезил. Правда, в благодарность наш колхоз мало дёргал — жеребчик выручил.

Как зима — начинаются мучения с лесозаготовками. Это нам тоже ведь бесплатная работа! У меня пять лошадей в тайге на лесоповале, а десять возят корм для них. От нашей Марчихи до лесоповала километров девяносто. Из дома везёшь воз, а туда привезёшь полвоза. За один день не доедешь. Ночевали в Ермаках. Везут сено пять лошадей — их же в пути кормить надо! Обратно едешь — опять корми. Эти пять, да там пять. Так вот и получается: пока туда сено доставили, готовы в путь следующих пять лошадей. Двенадцать человек и пятнадцать лошадей у меня постоянно заняты на лесозаготовках. А на все остальные колхозные работы где взять людей и лошадей? Доказывал, доказывал — на мой малый колхозничко надо и план ниже! — но ничего не добился. Выполный — и всё. Измотались — спасу нет! Это ещё благодаря овсу лошади держались. У меня возле конного двора амбар был, в него и засыпали. Неучтённый, конечно. Если кони совсем дойдут — пиши пропало. А кто же на них столько овса отпустит! Вот тайком и запасался. Каждый день

поутру, только напоили лошадей, засыпаем по четыре килограмма на голову, на этом и держались. Но донесли, что кормлю лошадей овсом! Сколько этих сигналов на меня поступало! Сын в старших классах увлёкся радиолюбительством. Выписал детали, собрал ламповый радиоприёмник. Направили меня в деревню — взял его с собой, слушал иногда. Так прознали и про это! Забрали. Зачем было забирать-то! Боялись, что буду слушать вражеское радио, что ли? Не положено, говорят, после войны вернём. Так и не вернули.

Сколько комиссий разных было, сколько проверяющих! Ну, и с овсом — приехали проверяющие. А я на всякий случай и это предусмотрел. С заведующим подсобного хозяйства “Сантехмонтаж” договорился, будто у нас в амбаре лежит их семенной фонд, — у них тут двенадцать гектаров посева. На самом деле их овёс лежал в колхозе имени Коминтерна. На случай чего один ключ — у него, второй — у меня. Ладно, приехали из райзо проверять. Говорю: “Нет у нас никакого овса. Есть, правда, у конного двора в амбаре, его мы раньше под овёс занимали, а теперь наши шефы хранят там свой семенной фонд”. Пригласили заведующего подсобным хозяйством, пошли посмотрели. Там уж половина осталась, остальное скормили, — ровно как на семена. Заведующий подтвердил, что это их овёс.

Хоть овёс и выручает, но лесозаготовка — одно разорение нашему колхозу. Мы там двух лошадей, самых лучших, уже угробили. Люди поизносились, одежды нет, пимы поразвалились. Столовая плохая, кормят из рук вон. Ну, никак, никак не по нашему колхозу дело! Посылаю Антона Кончилова как парламентаря с предложением договориться. Привозит он весть: “Пусть председатель сам приедет”. Можно, значит, договориться! Собираю правление колхоза. Говорю: для питания колхозников на заготовке и вывозке леса надо столько-то мяса, хлеба. Цифру обозначил с запасом, чтоб маленько продать на базаре и спирту купить. Ладно. Утверждаю решение правления на общем собрании. Я всё официально делал, а то загремишь без суда и следствия. Зарезали свинью, пару баранов, загрузили муки, спирту купил в городе, — поехали. Приехали, стали на квартиру, посылаю Антона Кончилова к ним. Они говорят, мол, пусть вечером после работы приходит. В таёжной деревне Суэта был пункт заготовки. Как стемнело, взял, что полагается, и пошёл. Познакомились. Трое их там было. Говорю, давайте договоримся, чтобы для нас было хорошо и для вас тоже. Не возражают. Как мы будем оформлять всё? Давайте так, говорят, сразу вы всех не забирайте. Оставляйте лошадку и двух работников. На недельку, не больше. А потом мы их потихоньку отправим. У нас каждый день вывешивается, кто сколько заготовил и вывез. Так что сразу всех нельзя. Дадим квитанцию, что вы полностью свои объёмы выполнили, а число поставите сами, какое нужно. Ну, мы посидели, выпили. Наутро лошадку запрягли, я отправил Кончилова, отвёз он им всё наше привезённое добро. Позже я подошёл, похмелились. Взял квитанцию и уехал. Через неделю у меня все лошади и люди были в колхозе.

Каких только заданий тогда не было! Сдача хлеба по государственному плану. Дальше — натурплата МТС, машинно-тракторной станции, значит. Да ещё пятьсот центнеров должен был сдать в фонд обороны. Колхозникам ничего не остаётся. А им тогда можно было выдавать только пятнадцать процентов от сданного государству.

Во время уборки продавал мужик с Пинигина быка хорошего. Мяса-то у нас нет, а работаем от зари до зари. Решили вскладчину купить этого быка за хлеб. Правление колхоза вынесло решение, отдали колхозное зерно мужику. Привели быка, закололи, мясо разделили, составили ведомость — с кого сколько потом удержат зерна за мясо.

Закончили мы уборку, сдали хлеб и положенные пятнадцать процентов надо людям выдавать. На эти пятнадцать процентов колхознику причитается с гулькин нос. Да ещё за быка надо отдавать. Да ещё, кто совсем с голоду помирал, раньше хлеб в долг выписывал. Выходит, кое-кто совсем зерна не получит. Про то я уже наперёд знал. Ну, и обеспечил заначку — рожь и просо. Это был у меня скрытый намолот. Из неучтённого хлеба я и выделил колхозникам дополнительно по трудовням. Сказать только легко. Тогда такие строгости были! Сразу припишут врага народа и пойдёшь куда следует. Если, конечно, жив останешься.

Я уже говорил: по государственному плану зерно сдал, МТСу натурплату сдал, в фонд обороны сдал. Потом добавили ещё пятьдесят центнеров — сдал, ещё сорок добавили — сдал. А когда ещё пятьдесят центнеров накинули, я и отказался. Откуда берутся эти дополнительные задания? Мы ведь тоже не дураки. Понимаем. У начальства под боком какие есть колхозы — им заниженное задание. От них всё себе тащат — молоко, масло, яйца, хлеб, мясо. Вот за это им побрякка. Да ещё из города шахтёров или ещё кого по разрядке на подмогу. Раскидают остальным их задание, а ты кожьлись. Так самоуправно можно вытрясать зерно без предела. Потому и заявляю, что хлеба больше нету. А вдруг проверять придут! Вот и надо мне скорей хлеб колхозникам раздать.

Приезжаю в контору. Счетоводу:

— Ведомости составил?

— Составил.

— Покажи.

Я просмотрел на выбор. Оба расписались.

— Передашь ведомости кладовщику, — говорю. — Бригадир организует вывозку. Они знают. Отпускайте зерно всем по списку.

Запрягли мне жеребца, и поехал я со своей Марчихи в Маручак. Это километра три. Когда свою уборку закончили, мы туда в помощь послали двенадцать человек. Надо мне узнать, как у них дела идут. Возвращаюсь домой, а к нам в Марчиху, оказывается, уже приехали прокурор районный и бухгалтер райзо. Днём мы раздали хлеб, а к вечеру они приехали. Сидят в конторе, ждут меня. Ну, думаю, пропал! Уже разузнали, труба дело! Кто-то успел сообщить, сейчас начнётся. Прокурор мне:

— Как так получилось, что вы быка за хлеб колхозный людям взяли? Кто разрешил?

Я объяснил: это отдали не хлеб колхоза, а зерно колхозников в счёт трудодней. Я кладовщику ещё раньше сказал: “За мясо, кто сколько взял, обязательно удержи под расписку в ведомости”. Потому спокойно прокурору говорю:

— Мы сегодня хлеб на трудодни раздавали и с каждого за мясо удержали.

Прокурор сразу:

— А документы где?

— У кладовщика.

— Документы чтоб тут были!

Ну, думаю, пронесло. Кладовщик у меня мужик надёжный, всё сделает, как положено. Значит, они только по быку приехали. Отлегло от сердца. Но тут бухгалтер райзо:

— Что вы понаделали? Безобразие! Растащили хлеб, разворовали!

Опять внутри заняло. Выходит, и про это докопались. И так тоскливо стало. Вспомнил я, как мальчишкой в гражданскую с отцом от колчаковцев спасался — на волосок от гибели были. Тогда ведь всё от случая зависело. Не знаешь, какой шаг куда ведёт. Не раз мне эти страхи снились. И сейчас такое же чувство. Ничего не поделаешь, надо идти до конца, не сознаваться же!

— Мы хлеб не воровали, — говорю, — а брали, что положено.

— Отправляй кого за кладовщиком, — говорит прокурор. — Пусть документы принесёт.

— Зачем отправлять? — говорю. — Мигом на лошади сам обернусь.

Мне-то надо узнать, как раздача хлеба прошла. Сел, поехал. А мне к кладовщику мимо дома своего. Когда проезжал, меня и окликнули. Кладовщик и бригадир пришли ко мне домой, сидят, меня ждут. Я кладовщику:

— Рожь раздали?

— Раздали.

— Просо раздали?

— Раздали.

— За мясо удержал?

— Удержал.

— Обе ведомости здесь?

Забрал ведомости и говорю:

— Теперь можете идти домой.

Кладовщик мне:

— А если прокурор нас пригласит? Давай соберём у колхозников хлеб, пока всё в наличии!

Я говорю:

— Ты забудь об этом. Забудь! Мы хлеба лишнего никому не давали. Понятно? Было отпущено, сколько положено по трудодням.

С этими словами взял и порвал вторую ведомость, которая незаконная. Приезжаю, вручаю ведомость прокурору. Он мне:

— Выдели посыльного, надо вызывать людей.

Техничка конторы поступила в распоряжение прокурора.

— А теперь мне надо отдельное помещение.

— Тут чем не глянется?

— Тут вы с бухгалтером райзо будете другим вопросом заниматься.

— А вы разве не по одному вопросу?

— Нет, не по одному.

Выходит, в самом деле им известно про рожь и просо. Но тогда почему сам прокурор не взялся за это дело? Думай, не думай, а деваться некуда. Поехал к председателю колхоза имени Коминтерна. Мы с ним хорошо ладили. Он предоставил прокурору свою контору, техничка ходит за колхозниками, прокурор с ними там беседует. А я, значит, с бухгалтером райзо отдельно.

— Почему дали разную сводку по пшенице в райком, МТС и нам в райзо? — спрашивает он.

Тут душа стала на место. Картина ясная. Убирали мы пшеницу. Был я в то время на районном совещании, приехал, спрашиваю у весовщика, сколько намолота. Он сказал. Вижу, там нету столько. Заставил заворoshить, взял рулетку, замерил, высчитал в кубатуре, превратил в вес. Четырнадцать тонн намолоту приписали мои грамотей! И уже отправили сводку! Показал я свои расчёты бригадиру, весовщику, а они только головами кивают. Зачем, говорю, вы приписали? Подождали бы меня! А теперь сводка пошла в райзо. Там отчёт один, а тут вес другой, там одна цифра, а тут — другая. Я вам не подпишу, говорю, столько тонн намолоту. Та бумажка, что пошла в райзо, не переделана. Получился разрыв. Вот бухгалтер и приехал. Я ему объяснил, в чём дело. Он попросил вызвать бригадира тракторной бригады, весовщика. Они и подтвердили — получилось так-то и так-то. На этом всё у нас и уладилось.

А кого прокурор спрашивал, никто лишнего не сказал. Подтвердили, что за мясо зерно с них сегодня удержали — и всё.

Дождались, наконец, Победы, кончилась война. Хоть не все, но пришли мужики с фронта. Есть кому работать на земле. И у меня радость. Сын вернулся. Хоть покалеченный, но живой. На участке трудового фронта я свой долг исполнил. Попросился обратно в город. На протезе в деревне не то, что в городе. Да и сыну надо постоянно в городе подлечиваться. Колхозники уважили мою просьбу, решением собрания отпустили. С дозволения райкома, конечно. Как же без него!

Подготовка к этому дню начинается загодя. Отец с сыном составляют список продуктов к празднику и всего остального, что полагается. Их обслуживает женщина — социальный работник. Постепенно она делает покупки. День Победы отец и сын встречают в праздничных одеждах. Живут в центре, неподалёку от площади Советов, где пройдут парад и демонстрация. Парада ещё нет, с площади в форточку доносится бодрая музыка. Стол застелен новой скатертью. Но выставлять на стол ещё рано. Это потом, когда завершится демонстрация и с площади народ пойдёт по домам. К ним обязательно с демонстрации зайдут родственники. Так заведено.

А пока с началом парада им надо ощутить праздник вдвоём. На столе — две стопки для фронтowych ста граммов и нехитрая закуска на двоих. Сын, помолвившись, крестится. Подняв стопки, смотрят друг на друга.

— Отец, живём?! — прерывает молчание сын.

— Живём, сынок!..